

На истоке времён, когда человек жил с природой в гармонии тела и духа, люди умели принимать облик зверей. С годами связь слабела. Человеческий род терял свою силу и способности. Тех, кто сохранил способности, называли энайдами — людьми, следующими зову Тотема. Оставалось несколько известных племён: лисы, росوماхи, лоси и медведи. Они создали свои княжества, объединив людей одной веры и одного тотемного Зверя.

В горах Самсет возвысился тотемный символ единства всех энайдов, но алчность и жажда разъединили их вечной враждой и пламенем войны. И лишь тот, кто принял Тотем и следует голосу Зверя, может объединить все народы.

Глава 1

Росомахи не любили покидать свои снежные леса. Их границы были мечены глубокими бороздами на вековых стволах — следами длинных когтей, и таких меток хватало, чтобы любое живое существо сторонилось этих мест. Но сейчас росوماхи выходили из-под заснеженных лапищ замшелых елей, недовольно щурясь яркому свету, и один за другим украдкой оглядывались назад — все, кроме вождя. Он, казалось, был слишком погружён в свои мысли, чтобы заранее тосковать по дому. Что-то тяготило его, и люди чувствовали это, переглядываясь с сомнением, но в душу ему не лезли. У князя нрав горяч, а рука тяжела, не приведи Зверь попасться.

Они бы не вылезли из своих лесов, если бы не крайняя нужда. Смута северных соседей подорвала хрупкий мир, на границе стало опасно, что ни день — то росوماхи гнали со своих земель зарвавшихся чужаков, потерявших всякий страх бродить по лесам как дома. Всем было известно, что росوماху не затравишь и уловкой не выманишь, на чужие земли он не позарится, но свои будет защищать до последнего вздоха.

Каким бы свирепым ни был его народ, князь знал — их было слишком мало, чтобы сражаться в одиночку с врагами. И хотя гордость мешала признаться в собственной слабости, они нуждались в союзниках, ведь нужда уже привела росوماх на земли лисов.

Гонцы принесли в форт известие, что переступившие границу чужаки идут с миром и дарами — свататься к дочери лисьего князя. Для князя это не стало новостью — приезда гостей ждали, переговоры велись уже не первую седмицу и завершились намерением укрепить мир и заслать сватов. Когда под стенами Лисбора появились два десятка вооружённых мужей верхом на крепких, лохматых лошадях, горожане попрятались в дома и за стену и сунули во все щели любопытные носы. На угрюмых северных воинов смотрели с опаской, но не могли отвести взгляда — не каждый день доведётся увидеть живьём тех, кто поклоняется Росомахе. Об их свирепости ходили легенды, и соседние племена обходили их стороной, а потому и не видели никогда.

Остановившись, воины спешили, и их рослый князь ступил под бревенчатые стены, задрав голову и встретившись взглядом с повелителем лисов. Не отводя взгляда, мужчина с лязгом достал меч из ножен и воткнул остриём в рыхлую землю — символ отказа от войны.

— Мир тебе и твоему дому, Кадер Рыжий, средний сын Великой Лисицы, владыка сизых лесов. Я Сэт, сын Ананда. Князь росомах, — низким, хрипловатым голосом произнёс чужак, призывая на помощь всю дипломатию, на которую был способен. Воины, стоя за его спиной, ловили на себе насторожённые взгляды и слушали князя, зная, что его грозный тон на самом деле был верхом дружелюбия и миролюбивости.

Переговоры под городскими стенами во всю мощь лужёных глоток длились не так уж долго. Росомахи обозначили намерения — пришли с миром и дарами, призывали договориться о дружбе и скрепить договор брачными узами. Князю всё больше не нравилось, что его держали под стенами и не пускали за ворота. Значит, не доверяли. Стиснув зубы, Сэт дожидался, когда надтреснет мудрость и бдительность лисьего князя и им наконец доведётся сесть за стол переговоров.

— Хороши твои намерения, сын Росомахи, но будет последним словом воля дочери — пойти за тебя или нет. Позовите Кайру! — приказал Кадер, и от него в сторону тут же метнулся шустрый слуга. — Пусть посмотрит на жениха.

Какой была дочь лисьего вождя? Сэт редко думал об этом, но если уж забредала в его голову такая шальная мысль, то лисица виделась ему мудрой и гордой женой, которая, что говорить, сможет сгладить крутой характер росомахи. Правды ради, этот вопрос занимал его меньше всего — в союзе с лисьим вождём росомаху больше прельщал выгодный военный альянс. Подружиться с лисами означало выйти на арену войны с громким заявлением о том, что с росомахами придётся считаться больше, чем когда-либо. Отступить от границ и помнить о страшном союзе Хитрости и Ярости. А уж какой при этом окажется лисонька...

Да Зверь её знает. Сэту было всё равно, он любую стерпит, если старый лис примет его как своего зятя.

Тревожные вести о лютых гостях долетели в Лисбор с первыми птицами. Лисий народ славился мудростью и хитростью. Годами князя держали свою территорию, избегая бесполезных войн, — всё решалось миром, словом, умом и с такой искусностью, что никогда ещё княжество сизых лесов не знало поражения или удара по своей гордости, по своим землям. Они жили в мире и благодарили за то своих владык, своего Духа.

Услышав о приближении росомах, князь Лисбора без страха вышел им навстречу, но допустил ошибку, дав слово дочери. Кайра едва переступила тот порог, когда только-только из головы слишком юных созданий уходит ветер и зарождается осознание. Мудрость приходит с годами, с нажитым опытом. Владыка доверил судьбу целого княжества, по сути, ребёнку.

В этот раз всё могло решиться без лишнего кровопролития. Сам князь росомах не желал войны, а обрести ещё большую силу в союзе — выгодная сделка для Кадера и его народа. Но огромная любовь к дочери перевесила мудрость князя.

Юркой рыжей тенью между людей, столпившихся у ворот, бежала лиса. Она так быстро перебирала лапами, оставляя крохотные следы на припорошенной слабым снегом земле, будто боялась опоздать. На лисьей вытянутой морде эмоции читались так легко, будто в теле животного скрывалось сознание, недоступное зверям.

Лисица фыркнула, стоило кому-то из толпы задеть пышный хвост, рыкнула и была такова. Она слышала каждое слово, доносившееся из-за ворот. Громоподобный голос князя росомах, его громкие заявления и стремления променять войну на женитьбу.

Лисица выступила вперёд; ещё не видя её, владыка Лисбора чуть укоризненно окликнул ту по имени. Мало кому из пришлых гостей доводилось видеть дочь вождя, но вот к ним вышла рыжая лисица. Мелкая, хрупкая, с блестящей в солнечном свете насыщенно-рыжей шерстью, настолько холёной, будто купали её в масле.

И вот перед ними из не приметного на снегу зверька выросла и неспешно вышла навстречу дочь Кадера. Свита росомах затаила дыхание, глядя на лесное солнце, дерзко и бесстрашно ступившее перед ними. Вот уж лисичка, рыжая краса! Встретившись чёрным взглядом с янтарными глазами девчонки, Сэт вздыбленным загревком почувствовал вызов, как безошибочно чувствует зверь надвигающийся пожар. Ещё за мгновение до того, как она заговорила, Сэт понял: он ошибался.

В несколько уверенных шагов княжна сократила расстояние до мужчины. Тень, следующая за ней, менялась на глазах и принадлежала больше не лисице — девушке. Своего внутреннего зверя Кайра любила больше, но даже так, окинув её взглядом, виднелась всё та же схожесть с её животным естеством. Густые огненно-рыжие волосы рассыпались по тонким плечам тяжёлыми кудрями. Золотисто-карие глаза смотрели на мир с хитрой искрой — лисью сущность было не скрыть.

Остановившись подле отца, девушка оценивающим взглядом окинула того, кто сватался. В её сердце не было страха, а та самоуверенность, с которой она ступала по родным землям, не соответствовала мощи воинов лисьего народа. Легенды и рассказы о предводителе росомах не пугали её. Она видела перед собой грубого и неотёсанного мужлана, который пришёл к ней свататься под угрозой войны.

— Внутренний зверь — отражение души человека и его образа жизни, — её голос зазвучал звонко и громко; его слышали все воины, что пришли вместе с гостем,

и люд за стеной Лисбора. — Как смеешь ты считать, что трупоеды вроде тебя способны сравниться с лисьим благородством?

Ошибался старый лис, выведя говорить с росомахами неразумную девчонку, которая в два слова сбросила в топку все надежды обеих сторон решить вопрос миром. Росомахам словно швырнули в лицо горячие угли — взревев, свита оцетинилась оружием; лисы в ужасе отпрянули от стен. Преданные телохранители метнулись между росомахой и дочерью лиса, закрыв её собой и оттеснив к воротам, а Сэт безмолвно поднял глаза на стоящего на стене Кадера. В лисьих глазах читался страх, в чёрных глазах росомахи — обещание смерти.

Не навлеки на себя гнев Лесного Чернобога.

Знал ли лисий князь, чем обернётся его доверие дочери? Знал ли её дерзкий нрав избалованной вниманием девчонки, которая, не подумав, сделает глупость? Должен был. Мудрость подвела князя, уступив место сердцу. Чувства разыгрались в нём, нарушая главное лисьё правило: принимать решение с холодной головой. Он мог спасти сотни жизней, включая собственную. Удержать власть в руках и не потерять насиженного места под солнцем. Союз мог решить все проблемы. Стоило пренебречь чувствами и поступиться желаниями дочери.

Кайра позволила себе непростительную глупость. Оскорбить предводителя росомах, не просто его подчинённого или правую руку. В присутствии его людей и народа Лисбора. Что могло быть хуже унижительной словесной пощёчины? Только то, что она повлекла за собой.

Княжна Лисбора не собиралась сдаваться. Менять своё мнение. Хотя в душе понимала, что именно она — причина пустого кровопролития. Понимание, что именно её народ и семья первыми попадут под удар, пришло с запозданием. Кайра стала исключением своего рода. Когда стоило действовать умом или хитростью, она позволила себе показать крутой нрав и ощериться, забывая, что со стороны выглядит как мелкий щенок, у которого ни когтей, ни клыков.

Никакие слова князя Кадера не могли остановить росомах.

К вечеру над Лисбором клубился чёрным дым, а сам он был разорён — двадцати росамах хватило, чтобы снести защиту лисьего города и войти в княжеский дворец. Рыжие звери ни разу не воевали с северными росамахами, их ярость и лютое, первородное бешенство сминали на своём пути любые попытки к сопротивлению. Пройдя по рыжешкурым трупам, Сэт вошёл под крышу княжеского дома, и вскоре лисий князь с супругой беспомощно бились в руках его воинов.

— Сэт! Гляди, кого мы для тебя нашли!

С этими словами в главный зал выволокли Кайру. Росамахы нашли её в одной из спален — лиса отчаянно билась с захватчиками, а когда удалось усмирить её пыл и скрутить руки за спиной, выяснилось — защищала щенка. Его сгребли за шкуру и держали так, что мальчишка хрипло пищал и бил в воздухе ногами. Лисица — супруга князя — дёрнулась из плена, метнувшись на защиту своих лисят, но безуспешно — слишком крепки и безжалостны руки врагов... Князь росамах поднял взгляд на растрёпанную и взбешённую Кайру — ту девушку, что нанесла ему оскорбление, которое смывается только кровью.

Янтарные глаза неотрывно смотрели на предводителя росамах. Искра утонула в ненависти и желании смерти тому, кто позволил себе вторгнуться во владения её отца непрошеным гостем и обернуться смертью для невинного народа. За своим презрением к нему она прятала собственную вину и ошибки, не желая их признавать. Вес ответственности был слишком велик для ребёнка, который не хотел принимать действительность. Она продолжала бороться за свою свободу; старалась вырваться изо всех сил даже тогда, когда понимала, что не сможет.

— Трупеды, говоришь? — многообещающе произнёс мужчина, смешав в своём голосе хриплую угрозу и сладость расплаты. Дерзкую лисичку следовало проучить. Пути назад не было — её глупостью за его спиной лежали сотни убитых. — Иди сюда, лиса.

Один из воинов грубо швырнул её к ногам своего князя. Кайра едва успела выставить перед собой руки,

чтобы смягчить падение. Синяки и ссадины — незначительное наказание за дерзость. Ощерившись, словно хищный зверь, защищающий себя до последней капли крови, она через плечо посмотрела на воина, посмеявшегося так обойтись с ней.

— За обиду не мстят только трусы и рабы, — негромко, но отчётливо произнёс Сэт, нависая над княжной, словно обсидиановая скала. Князь завладел её вниманием и получил всю ту же всепоглощающую ненависть янтарных омутов. Казалось, что всем своим видом своевольная девчонка пытается показать, что ему её не сломить. Что её дух сильнее и лисий народ не уступит росомахам, но как же она ошибалась в своих желаниях и убеждениях.

— Что ты теперь скажешь, глупая лиса?

Тягчайшее оскорбление для лисьего рода, славящегося холодным умом, но что страшнее — оно было правдой. Всё, что произошло за день, все стоны раненых и жизни убитых — всё возросло из её дерзких слов, брошенных в благодатную почву гнева росомах.

— Ты умрёшь. — Она говорила с такой уверенностью, будто ей ничего не стоило осуществить угрозу. Слушая её слова, воины — верные соратники Сэта — переглянулись и посмеялись над самонадеянностью девчонки. Все они знали, что её слова — пустое. Им ничего не стоило убить её здесь и сейчас. Ей было нечего им противопоставить.

Сэт разделил веселье соплеменников, разразившись низким и хрипловатым смехом. Это походило на гогот гиен, отрывистый и лающий, но при этом тяжёлый и грубый, будто было в нём что-то медвежье.

— Все мы умрём, — снисходительно заметил князь росомах, глядя на лисичку сверху вниз. — И будем отвечать перед своим Зверем за свершённые ошибки. За всё придётся платить, но твоя расплата наступит уже сейчас.

Рычать и щериться — без толку. Захватчикам было плевать, как сильно она желала им смерти, сколько будет грозиться отомстить, сколько плеватьсся ядом слов — это ничего не изменит. Они победили, не приложив особых усилий. Дочь князя Лисбора сделала им услугу, бросив вызов Сэту. Развязала ему руки и подарила свою жизнь.

Бросив взгляд на болтающегося в воздухе лисёнка, Сэт прикинул в голове последствия своих действий и решил, что не может поступить иначе. Жребий брошен.

— Это твой сын, старый лис? — Прошелестев по полу тяжёлой меховой мантией, сшитой из шкур убитых врагов, Сэт прошёл мимо брошенной на пол княжеской дочери к её отцу.

Кайра дёрнулась к брату, желая вцепиться в мужчину, но хватило всего пары рук, чтобы усадить её обратно, грубо задрать голову и заставить смотреть, как на её глазах виной её глупости лишаются жизни самые дорогие и близкие.

— Не убивай их, — с болью взмолился поверженный князь. Позади него беспомощно рыдала княгиня-лисица. Рыжий пёс знал, что росомаха не пощадит его и не уйдёт без крови.

Сэт медленно прошествовал за спину к своему врагу и подставил ему под подбородок холодное лезвие.

— Помолись своему Зверю, старый лис.

Глядя на рыжеволосую девушку, росомаха безжалостно перерезал горло её отцу.

— Нет! — Крик Кайры утонул в булькающих звуках — отец давился собственной кровью, а она ничего не могла изменить. Предложить свою жизнь взамен — ничего не стоило, но росомаха придумал ей достойное наказание.

Та же участь постигла княгиню-лисицу. Воины держали Кайру, когда Сэт убивал её мать. Труп княгини Алеены упал на холодный пол; оборвалась на шее тонкая цепочка с лисьим талисманом, словно сам Зверь в этот день отвернулся от них.

Высокомерность лисы разбилась о реальность смертями. Не желая верить, Кайра смотрела на пол, залитый кровью, и тела убитых родителей. На лице застыла маска ужаса; слёзы стояли в янтарных глазах, будто пытались стереть из памяти увиденное. Все её попытки вырваться из рук росомах и уберечь родных провалились с первой отнятой жизнью. Её колени подогнулись от бессилия, и у воинов больше не было необходимости грубо удерживать строптивую девчонку.

Двумя смертями Кайру выкинуло из действительности. Земля ушла из-под ног, мир разрушился у неё на глазах, вдавываясь в память всепоглощающим чувством вины. Отрешённость, словно всё происходило не с ней, спасая её от истерики, укрыла бесцветным плащом.

Что было дальше — она не помнила.

— Хороший выйдет воротник, — хладнокровно произнёс Сэт, глядя, как люди у его ног превращаются в мёртвых лисиц. Нагнувшись, он сгрёб их за хвосты и поволок за собой.

— Сэт, погоди! А что с этими делать? — держа рыжую бестию за волосы, крикнул воин вслед вождю и кивнул на щенка.

— Мальчишку беречь как зеницу ока. Он теперь лисий князь, — казалось, в голосе зверя ничего не дрогнуло, и убийство тронуло его душу не больше, чем брошенное в костёр полено. — Я воспитаю его.

— А девчонка? — Мужик встряхнул лисицу, но та так и не пришла в чувство.

— Поедет с нами. Будет моей женой.

— Она будет мстить. Зачем тебе это? — вышел вперёд седовласый воин, который, судя по всему, годился своему вождю в отцы.

— Не будет, — помолчав, хрипло произнёс Сэт, не удостоив девчонку взглядом. — Дайте мне лисёнка.

Сын князя прожил едва ли больше трёх зим. Взяв на руки безудержно рыдающего мальчишку, Сэт жестом велел своему воину следовать за ними вместе с Кайрой. С девушкой никто не церемонился — всё её сопротивление разбивалось о грубую силу росомах.

Сэт вышел на порог дворца победителем. Простые жители, которых чужаки оставили в живых, с болью и ужасом смотрели на них — над ними стоял росомаха, держа в одной руке трупы князя и княгини, в другой — их живого сына, а к его ногам бросили униженную и поверженную княжну — виновницу их смертей.